

ТАТЬЯНА ШАМЯКИНА

“НЕБА КОЛОКОЛ БЪЁТ НАДО МНОЙ...”

Последний по времени выхода сборник поэзии Т. И. Красновой-Гусаченко “У света тени нет” (2011) достаточно объёмен, составляет, по существу, трёхтомник под одной обложкой и включает несколько сотен стихов. Масштабность и структура книги не помешали ей стать цельной, со своим внутренним лирическим сюжетом и сквозными темами, а поскольку она создана поэтом с большой и сложной судьбой, поэтом, которому есть чем поделиться с людьми, оставаясь верной классическим традициям, то отсюда и объём, отсюда и традиционное аристотелевское деление на три части.

В первой из них – “Поставьте памятник деревне” – центральный композиционный стержень – календарный и одновременно возрастной. Его героиня – девочка из обычной русской деревни, основа структуры сюжета – её духовное становление, условия формирования как поэта – от рождения и самого раннего детства. “Я в храме выросла берёзово-ржаном, // Я родилась под куполом апреля...” Родилась днём вешним, радостным, в разгар, как говорил Михаил Пришвин, “весны света”. Свет – и в смысле творческого горения, и в смысле высоты духовности, ясности миропонимания, и в смысле сакральности – пронизывает стихи поэтессы, давая название всему сборнику.

Как побеждает свет – тьму, народившееся и растущее солнце – мрак и холод, начиная от дня зимнего солнцестояния, так и автор начинает свой поэтический венок с исключительно важной для людей точки отсчета – первого дня года, и, следуя далее по календарю, предваряет каждое стихотворение цикла маленьким прозаическим предисловием-пояснением. Например, к “1 января”: “Жизнь в деревне с самого раннего детства являла нам народные приметы, пословицы, поговорки. Они сопровождали все праздники. Особенно много их было зимой. В первый день Нового года говорили...” А далее идут собственно стихотворные строки – зарифмованные в катренах жизненные установки, отлитые в конкретные, прямые и ясные слова народной мудрости: “Первый весь январский день // Веселись и не ленись, // Будет год потом счастливым, // Утром встань и улыбнись!”

Далее идет “Рождество”, “Колядное”, “Морозные коляды” (“коляды” – по-белорусски, а по-русски – “святки”), “Старый Новый год”. В последнем из них автор пишет: “Люб нам Старый Новый год – // Перелом и поворот // На весну...” И тут же, с какой-то даже гордостью за своё, родное, уникальное: “Праздник только наш! Мы рады: // Продолжаются Коляды!”

Кажется, непритязательно, просто, но ведь весь цикл сознательно выдержан в духе фольклорном: по лексике, ритмике, рифме. Перед нами искусная стилизация. Эти стихи хорошо учить вместе с детьми. Собственно, и учить их не нужно: они легко, как бы сами собой, укладываются в памяти и могут послужить прекрасной альтернативой пошлым телевизионно-рекламным слоганам, засоряющим речь детей и подростков. Поэтесса не скрывает мнемоническую цель своей поэзии. Например, к стихотворению “Февраль зиму завершает” она

даёт своё маленькое авторское разъяснение: “Народные пословицы февраля уложены в стихи, чтоб было легче запоминать”. А далее следуют стихотворные приметы, например: “В феврале как кликнется, // Так осенью откликнется”.

Календарные даты, годовые праздники – нить, на которую нанизывается жемчуг народного мудрословия: тут в лаконичных, но живописных строфах заключены и научно-этнографическая информация, и мораль, и образ жизни. Так, перед стихотворением “Масленица” автор пишет: “Каждый день Масленицы имел значение, праздновался по-своему. Я хорошо помню, как это было, потому что мы, детвора, принимали во всех игрищах активное участие”. Любовно воссоздавая народные обычаи, приметы, пословицы, имена языческих божеств (Ярило, Весновей, Моряна) в чеканных, запоминающихся строках, поэсса помогает читателю извлекать из небытия, возрождать родовую память – юнговское коллективное бессознательное, говорит с читателем на нашем исконном – природно-мифологическом – языке. И сюда же влетает собственные – яркие, небанальные, незатёртые – метафоры и эпитеты: “Много снега – много хлеба! // На Руси – богатый снег!”; “Всюду море красок, света, // Май ведёт за ручку лето”.

Пейзажных стихотворений множество во всей книге, но это, так сказать, поэзия рафинированная, а в календарном цикле царит народный дух и язык, причём все то характерное и из разнородных явлений, что в наибольшей степени объединяет белорусский и русский народы. Именно от общей – белорусско-русской народной стихии – лёгкость и напевность ритма, точность мысли, рельефная очерченность рисунка и при этом акварельная нежность общего фона.

Откуда же у русской поэтессы знание белорусского фольклора, да и профессиональной поэзии (встречаются в текстах стихов аллюзии из произведений белорусских классиков)?

Тамара Ивановна Краснова-Гусаченко считает Беларусь своей второй родиной. Трудно найти в современной литературе славян писателя, который бы так органично связывал две братские культуры. В аннотации к книге “У света тени нет” о Тамаре Ивановне читаем: “Член Союзов писателей Беларуси, России и Союзного государства, автор пятнадцати книг. Лауреат Международной литературной премии им. Симеона Полоцкого, Всероссийской литературной премии им. Ф. Тютчева, обладатель почетного знака “Золотое перо Тютчевъ”, литературной премии им. В. Короткевича, неоднократный победитель международных и республиканских литературных конкурсов представляет новые и уже известные читателям произведения, в разные годы публиковавшиеся в “Литературной газете”, журналах “Наш современник”, “Нева”, “Лад”, “Нёман”, “Белая вежа”, “Все-русский собор”, “Южная звезда”, “Московский Парнас”, “Братина”, “Пересвет”, “Полымя”, “Немига литературная”, антологиях “Современное русское зарубежье”, “Современная русская поэзия Беларуси”, альманахах “Двина”, “Брянск литературный”, “Созвучье слов живых”, “Междуречье”, сборнике “Исповедь” издательства “Белорусская Энциклопедия им. П. Бровки” серии “Школьная библиотека. Русскоязычная поэзия Беларуси, конец XX – начало XXI века” и др.”.

Уроженка Брянской области, Тамара Ивановна уже давно живёт в Беларуси, в Витебске, возглавляет областное отделение Союза писателей Беларуси. Возглавляет отнюдь не формально. Все силы души отдаёт она пропаганде поэтического слова. Люди, общавшиеся с ней, знают её преданность делу, отзывчивость, знают, как охотно, с подлинным энтузиазмом, не жалея собственного времени и здоровья, передаёт она и опыт мастерства, и опыт человеческой доброты. Сама она пишет, имея в виду родню из Украины: “Три родины во мне живут, // Да как же им не жить? // Моя любовь и там, и тут, // Её не разделить”. Но, кроме того, автор приведённых строк очень хорошо осознаёт, где её корни как поэта, где вообще корни поэзии и, по большому счёту, – родины. Они – в деревне. В программном для первой части книги стихотворении “Поставьте памятник деревне...” (строка поэта Николая Мельникова) есть слова: “Там – мир врывался радостью в окно”. Там – в родной деревне Щепятино, от которой ныне не осталось ничего... Но цепкая память поэта, соединённая с любовью, сохранила ощущение именно радости, полнокровности жизни, – возможно, это ощущение и даёт силы жить, сопротивляться трудностям и преодолевать невзгоды. Ведь так и белорусско-русская деревня в своей истории:

*Не гневалась она и не роптала,
В отчаянье не падала, стояла.*

*Не просто встать старалась, а идти
И с честью долю крестную нести —
Покорно, приняв всё и всех прощая,
И ни упрёка, даже умирая.*

Для поэтессы “Русская деревня — // Чудо из чудес”.

Краснова-Гусаченко удивительно пластично, картинно, ярко, но и лаконично, часто одним ритмом и образом, умеет передать бытие деревни — так, что у всех читателей, кто вырос на лоне природы, мгновенно, из самых заповедных уголков памяти, пробуждаются видения собственного детства:

*Река,
мелея, млела под мостом.
Тугое месиво — подход
к воде...
Навоз,
следы копыт...
И к водопою в полдень скот
идёт,
ревёт,
пыхтит,
сопит.
Ноздрями фыркает...
И пьёт...
А солнце всё встаёт, встаёт...
Как голубой
гигантский зонт
накрыл деревню
небосвод.*

(“В деревне”)

Картины, воссозданные дочерней памятью, — чистая ностальгия. Такой полнокровной, наполненной движением, звуками, красками, запахами, жизни в русской деревне, пожалуй, уж и нет. “Деревня на пригорке умерла... // Деревня защищалась, как могла: // Она звала, цвела, дарила хлебом, // И — нет её теперь под этим небом...”

Потеря родного пространства неотвратима, как потеря лучшего в жизни времени — детства: “Я поеду, поеду домой этим летом, // Поеду, мне б только дорогу найти, // Только стёжки засыпаны снегом и светом, // И в детство мое мне никак не войти”. Однако чем дальше во времени идёшь по дороге жизни, тем яснее осознание, что “...не нашла ничего до сих пор // Я — драгоценнее детства”. Но и пространственно: оттуда, из деревни, “я, судьба, и всё моё...”

В общей глубокой тоске поэтов — выходцев из села — по ушедшей деревенской цивилизации, именно полноценной цивилизации, голос Тамары Красновой-Гусаченко звучит по-особому, лирично и пронзительно, потому что нет в её стихах громкого пафоса, у иных нередко заглушающего мысль, а есть щемящая грусть и ощущение присутствия Высшей Силы, которая только и дарует надежду:

*Не все ещё села
Разрушены до пепелища.
Их что-то же держит,
И в зареве зорном плывёт
Какое-то чудо...*

В поисках ускользающего чуда поэтесса продолжает возвращаться к милым пределам. В предисловии ко второй книге сборника — “Там” — составитель книги пишет: “Там” — это ностальгия по прошлому и призыв любить жизнь во всех её проявлениях, несмотря на трагизм и неизбежность потерь”. Отбирая стихи, соединяя их в книгу, автор стремилась вычленить лирический сюжет, положить его в основу всего сборника, сделать той линией, на которой остановится внимание искушённого читателя. В открывающем второй раздел стихотворении

“Сильнее” есть многозначительная строка: “Сильнее смерти перед жизнью долг”. Истинно по-христиански и очень по-женски... Много пережившая, потерявшая родителей и старшего сына, погибшего в авткатастрофе, Тамара Ивановна не может избыть тоску по ушедшим. Глубина переживаний, нежность дочерней и материнской души удивительно сочетается в поэзии Тамары Красновой-Гусаченко с философским мироощущением: “Там мамы живы все, смертям назло // Отцы вернулись! Кто не верит в это?! // И всё предельно ясно: зло там — зло, // Добро — добро, а зависти там нету” (“Там”).

О зависти — не случайно. Как человек тонкий и ранимый, Тамара Ивановна испытала на себе это воистину разрушительное чувство со стороны коллег по перу. Но она готова простить всем, поскольку совершенно другое волнует её — ускользающее бытие:

*Вот даже не заметила, как стала
И матерью, и бабушкой, легка —
Во снах своих ещё вчера летала,
Да и летаю, только — жжёт тоска...
Предчувствие беды меня тревожит,
Всё тихо и спокойно, а — тоска,
Огнём горит, горит и сердце гложет,
Неведома, черна и глубока.*

Вообще, как у каждого большого поэта, у Т. Красновой-Гусаченко даже простые и, на первый взгляд, незамысловатые строки таят “многоярусность” — уводящие и в философию, и в религию, и в литературные традиции разнообразные смыслы.

Поэтесса заслуженно удостоена почетного знака “Золотое перо “Тютчевъ” — она унаследовала трагическую напряжённость тютчевской лирики.

Существует в её творчестве мир тревоги, тоски, мятежных дум и ощущение неотвратимости смерти. Но над всем этим, выше, стоит то, что должно быть истинным содержанием жизни любого человека: понимание закономерностей бытия, потребность мирной жизни, счастья, простых бытовых радостей. Она находит в себе силы сопротивляться тоске, потому что не верит в богооставленность безгрешных душ (“У Бога живы все, я знаю”), уверена, что Высшие Силы всё время подают нам знаки, а задача человека, прежде всего поэта, — уловить их, найти скрытую сущность явлений, воплотить эту жгучую тайну в слове.

Высшие Силы автор называет Светом. Значение этого слова в творчестве поэтессы, как уже говорилось, самое разное, в том числе — высвечивание памяти: “Свете мой белый! И нет — забвенью! // Рано, ох, рано себя хоронить. // Еду и еду сквозь сны в деревню — // В детство вернуться и молодость пить!” В завершающих книгу прозаических новеллах (скорее, притчах) Тамара Ивановна пишет: “И всё вокруг наполнено светом, причём не светом — в смысле освещения, а Светом — пронизывающим, наполняющим блаженством всё моё существо, исцеляющим, благостным”.

Стихотворения книги — одно за другим — дают картину мечущейся в экзистенциальных противоречиях умной и душевной женщины, которая то впадает в тоску, не в силах забыть любимых и простить себе, что не уберегла их, то вновь и вновь оживает, радуясь многоцветью жизни, и воспаряет в жажде узнать высшее, большее, чем сам человек (“...как дорасти до того совершенства, // До явленного нам природой блаженства?”). Светом называл себя Христос. Название книги, а также третьего её раздела — удивительно точное и паразитично глубокое. В чём-то полемичное. Ведь нас приучили, что зло нужно в мире, чтобы высветить добро, что одно не существует без другого. Поэтесса утверждает, что есть Добро абсолютное, и совсем не нужно зла, чтобы Его увидеть и понять, как не нужна тень, тьма, чтобы наслаждаться светом. Нравственные традиции русской и белорусской классики, включающие в себя чёткое разграничение добра и зла, света и тьмы, вдохновляют поэтессу в отстаивании своих идеалов. Она ведёт читателя к Высшему Смыслу через смысл поэтический. Вот почему в стихах Тамары Ивановны чёрного фона не бывает, но очень много света, огня, сияния, — по существу, ни одна картина, ни одно чувство, ни одна мысль не обходится без соответствующей лексики. Особенно ликующим представляется поэтессе свет солнца: “Солнце вставало над милой землёй, // С первым лучом посылало нам счастье // Жизни, горячей янтар-

ной зарёй”. Однако светится, сияет не только солнце: “Земля летела через май, // И всё – сияло”; “...встречный прохожий так смотрит светло”. В представлении автора сияет всегда любовь, нежность, лучшие человеческие чувства: “Дух молчаливый природы, // Тайные думы твои, // Смотрятся в тихие воды // Ясного света любви”; “Дома ты окутан // Такою негой, светлой и простой”; “Невозможно – // Всё видеть и не передать // Из ароматов, звука, света – // Без дна и края благодать...”: “Вот за околицу выйду – пойду, // Свет понесу по всей жизни”; “Я под небом костры разложила // Из своей бесконечной любви”. Поэтесса в душе надеется, что энергия её любви – любви в широком смысле слова – к близким людям, природе, творчеству – не может пропасть втуне: “Ночь озари лучом заветным, // Наполни Белый Свет собой, // И дай любви такой ответной, // Как в сердце у меня любовь”.

Одна из важных тем сборника – тема материнской любви. Она раскрывается многопланово: и через воспоминания о родной маме, и в своей собственной материнской любви, особенно к погибшему сыну. В “Маленькой поэме”, перечисляя всё, что узнала в своей жизни, и горькое, и радостное, во многом разочаровавшись, поэтесса делает окончательный и точный вывод: “Узнала, что лишь матери // На свете настоящие // и вечно бескорыстные // источники любви”.

Неоднократно на страницах книги возникает – в самых разных ситуациях и обликах – образ мамы:

*Моя мама идёт
по дороге из ясного света,
Над садами вишнёвыми,
пенной кипящими сплошь,
Моя мама восходит
по этому белому свету
Далеко, высоко!
И — зови, не зови — не вернётся.*

Чем ближе собственный возраст к возрасту ушедшей матери, тем глубже понимание её и осознание своего непонимания тогда, когда родная нуждалась в этом при жизни. Потому в “Страстях по маме” “Прощения просить пришла пора, // И вот копаюсь в каждом бывшем дне”. Во многих произведениях продолжается так и не оконченный на земле, потому что он не может быть окончен никогда, разговор с умершей матерью: “Что-то сердце всё чаще болит и болит, // Соучастия, отдыха просит... // Тихо мама со мною с небес говорит // Сквозь горящую золотом осень...” Тоскующее сердце жаждет поделиться всем, что волнует, с самым близким человеком. Но “моя мама молчит”. Невозможность диалога с ушедшими близкими особенно трагично воспринимается поэтессой, как и каждым человеком. Правда, остаются сны. Близкие люди часто возникают перед нами в снах (“Откуда та радость берётся // После каждого сна, // Где мы – за руку, с мамой вдвоём?”). Сны даруются людям, глубоко и тонко чувствующим, – явно как награда, потому что сон, особенно тот, где видишь родных, мобилизует наши духовные силы. Несомненно, что у поэта сознание, переходя в новое качество, как бы обостряет всё ранее пережитое и переводит его на уровень вдохновения. Когда-нибудь биофизики будут изучать сны поэтов, познавая в них ту информацию, которую не выдаст ни один прибор (“Во сне // предстала перед Богом”). Во сне возможно и предстать перед Богом, и вернуться в милое детство:

*Замело вишнёвым цветом
Стёжечки-пути.
Засыпает снегом лето,
В детство не войти...
Будет в сердце снова литься
Материнский свет,
Но я знаю — это снится,
А дороги — нет...*

Поэзия Красновой-Гусаченко исповедальна и потому глубоко искренна. Она привлекает достоверностью интонации, чего очень часто не хватает ны-

нешним модным рассудочным поэтам, играющим словами, как жонглёр мячиками (вот именно на уровне технологии). Стремление к возвышенному душевному строю, внимание ко всем потаённым движениям сердца – вот главное, что определяет творчество поэтессы.

В предисловии к третьей части книги составитель сборника отмечает: “Постоянно углубляющийся самоанализ, от частного – к общему, от собственного жизненного опыта – через познание опыта поколений, делает поэзию финала всё более плотной, подводит к новым и новым открытиям”. Не случайно третий раздел открывает стихотворение “Останься тих...”, посвящённое пониманию автором книги Нагорной проповеди. Совершенно ясно, что объяснение всегда бывших камнем преткновения толкователей слов о “нищих духом” – это одновременно жизненное кредо самой поэтессы: “Нищие духом, – говорится в сноске к стихотворению, – полагающиеся не на свои только силы, а верующие в помощь Бога”. Отсюда – и оптимизм искренней веры: “Смерть – не забвенье, душам // Вечный обещан свет” (“Духов день”).

В третьей части автор вновь возвращается к календарному циклу (“Май”, “Духов день”, “Солнцеворот”, “Венок седмиц”, “Радуница”), но на более высоком – не фольклорном, а философском – уровне, славя вечный круговорот жизни в её драматизме, но и в изумительной красоте. Многие стихотворения выявляют некие вневременные ценности, отталкиваясь от реальности, прежде всего, реальности душевного мира поэтессы. Всё, что просит человек у Бога, таит в себе внутреннее противоречие, ибо сам человек противоречив. И автор приходит к единственно правильному выводу: “Господи! // Пошли мне разум, Боже, // Чтобы всё, что дал, // перенести...” (“Молитва”).

Вообще противоречия жизни предстают в разных вариациях, в разных поворотах: мы встречаем мысли, уже как будто знакомые по более ранним произведениям поэтессы, но в ином ракурсе, по-новому ощущая, постигая те грани, которые раньше не замечали. Вот о постоянно волнующей проблеме связи поколений и вечных загадках бытия: “Как пережить, как перебыть? // Спроси у тех, кого отпели. // Они всё знали, может быть? // А может, тоже не сумели...”

Не раз возникает и тема уныния, сопротивления ему:

*Не унывай:
В унынии нет смысла,
А гнева боль,
Бурлящую в крови,
Уйми. И радуйся.
Твори и мысли.
И создай добро,
И вновь живи!*

В стихах Тамары Красновой-Гусаченко нет искусственной усложнённости формы, неясности выражения мысли. А минорный тон некоторых лирических сюжетов создан трезвым пониманием действительности и природы человека. Так, вовсе не случайна в стихах третьей части тема пошлости современной жизни. При этом поэт не скрывает, насколько тяжело воспринимает страшные, без преувеличения, современные реалии: “...Пошлый бред // Звенит и день, и ночь у нас в эфире...” Ведь уход в детство, в деревню, в воспоминания, даже в сны – не случаен, это единственная возможность защиты души, защиты её от всепроникающей массмедийной обывательщины победившего общества потребления. Утрачено государство, в котором родилась, и что осталось? “Всё отнято – вера, мечта, // Где наша страна золотая? // Решили за нас, что не та, // И кто так решил, мы не знаем”.

Не случайны и рассуждения о роли поэта и поэзии в современном обществе: “Кому нужны в наш век – стихи, слова...” Безусловно, тема традициона, но в наше время она приобрела воистину трагические черты. Поэт высказывает то, “что на сердце лежит”, он отвечает не только за себя, но и за связь миров Неба и Земли. Но это никому не интересно. Современный человек утратил внимание к другому человеку, даже к самому себе, а тем более к вечным проблемам. И потому любые излияния, психологический анализ, поиск истины воспринимаются новыми поколениями с трудом. Не случайно одно из стихотворений начинается словами: “Поэты пишут для поэтов”. Поэты всегда клялись, что пишут для народа. Нынче народ (даже слово “народ” редко упоминается,

чаще – “публика”) всё меньше поэта понимает. Да и в среде самих поэтов... Тамара Ивановна рисует довольно неприглядную картину нравов. Она изнемогает от зависти коллег, равнодушия общества к искусству и порой отчаивается от невозможности изменить мир посредством поэзии. Но момент уныния проходит: “Света, света! // Я жажду света нажила”. А свет неизбежно побеждает тьму. Она убеждает: “Я знаю, нет вернее средства, // Когда тоска подступит к сердцу – // Прочешь, как с ней другие жили, // Как из неё стихи сложили...” Автор называет поэзию: “то – злая мачеха, то – мать”, – однако ясно, что жить без поэзии она не может, считает, что ей “дарован праздник этот” и она не изменит ему никогда (“я не сбегу с корабля”). У неё есть немало строк, полных страстного публицистического накала, в том числе и о судьбе поэзии. Но всё же стиль Красновой-Гусаченко в целом иной, его отличает особая поэтическая пристальность, которая распространяется на всё окружающее, на мир в его радостях и горестях. Отсюда – афористичность, художественная новизна, скульптурность многих поэтических образов:

“Я – червь. Но ведь Отец мой – Бог!”;
“Неба колокол бьёт надо мной...”;
“... вывернули время, как рубашку”;
“Разрезы в памяти моей, // Как пропасти, где мир так тесен”;
“Любить куда труднее, чем влюбиться”;
“Секрет Победы прост: // Перед огнём вставляли в рост”;
“Высшая поэзия – молитва”;
“Жизнь течёт по Божьим планам, // И не нам о них судить”;
“Внутри тебя // Все царства, // Всей любви и красоты...”;
“Всё дома – дар и дань, // Всё – сень и благодать!”;
“Даже самая широкая дорога // Начинается от Отчего порога...”;
“... когда смотреть // Больше некуда – // Смотрите на небо!”;
“... закон суровый, // Такой простой: жива? Держись”.

Многие стихи хочется цитировать бесконечно, настолько они метрически изящны и точны в передаче ощущения драматизма и чуда бытия в каждой конкретной ситуации:

*Вся наша жизнь, как на одном дыханьи:
На вдохе — детство, юность и любовь.
На выдохе — болезни и страданья.
Но — в наших детях
Повторимся вновь.*

Трогательна забота поэтессы, прекрасного знатока русского языка, о судьбе языка белорусского – мовы, которая “была беззащитна, // Не для битв рождена, а для светлой молитвы! // Мягкий звук для того, чтобы нежно назваці // Мог ребёнок родимых і тату, і маці”. Памяркоўных белорусов, особенно тех, кто не хранит, не бережёт свой родной язык, Тамара Ивановна призывает: “Материнский язык пусть для всех будет свят, // Мой и твой, на котором учила нас мать // Говорить... А – важнее всего – понимать”.

Стих Т. Красновой-Гусаченко ритмически чрезвычайно разнообразен, а в стилистовом плане – графичен; встречаются у неё и белые стихи. Помещённые в конце сборника притчи – свидетельство незаурядного таланта прозаика.

Книга “У света тени нет” – лирическая, раздумчивая, душевная, с явным мемуарным уклоном, когда жизнь служит основой и поводом для серьёзных обобщений и афористических выводов. Но главное – истина, постигнутая на жизненной дороге. Она в том, что гармония в земном мире, как и Небесная благодать, достигаются душевным усилием, неустанным трудом и твёрдой верой.

В своём творчестве Тамара Краснова-Гусаченко сумела прикоснуться к таким глубинам души, где таятся и воспоминания, и предчувствия Небесной Гармонии. И в этом – исключительная ценность её поэзии.